

Петр Дубенко

У НЕЗНАКОМОГО ПОСЁЛКА

В авторской редакции

Солдатам, в мирное время не вернувшимся с войны

Это все, что останется после меня...

Рапорт

В прошедшие сутки вверенный мне 145 отдельный саперный батальон вел работы по разминированию окрестностей города Туггурт. Работы проводились по утвержденному плану, внештатных ситуаций не было.

Сидя в полевой палатке за походным канцелярским столом из нержавеющей стали, Майор Стрельников пробежал взглядом уже введшийся в память текст и отправил стандартный листок А4 в папку, где лежало два десятка рапортов, написанных будто под копирку только с разными датами. В другую точно такую же папку легли доклады ротных командиров – их отличали разве что подписи. Убрал документы в верхний выдвижной ящик, Стрельников достал из нижнего фляжку. Решительно свинтил крышку, но, едва ощутил запах слегка разбавленного спирта, замер в сомнении: не рановато ли. Посмотрел на маленькие часы цвета хаки с заводской надписью «Слава защитникам Отечества» на циферблате и гравировкой «Отличнику боевой и политической подготовки» поверх стекла. Посмотрел по привычке – забитый африканской пылью механизм уже несколько лет как пришел в негодность и майор до сих пор не выбросил эти часы лишь потому, что дорожил ими, как памятью. Недолго подумав, Стрельников уже потянулся было к фляжечной крышке, но в этот момент портативная рация на столе громко щелкнула и зашипела. Сквозь треск послышался клокочущий разговор двух полевых командиров правительственных войск, и Стрельников, раздраженно шикнув, сделал два больших глотка прямо из горла. Морщась и хрипя, уткнулся носом в кулак, подождал, пока восстановиться сбитое дыхание, убрал флягу в стол и вышел из палатки.

Часовой на входе лениво козырнул, Стрельников, не отвечая, прошел мимо и остановился у невысокого флагштока, на верхушке которого порывистый ветер трепал красное полотнище. Отсюда лагерь, придавленный к однообразно рыжей равнине бесцветным небом, лежал как на

ладони. Вдали из тумана серо-песочной пыли проступали ряды солдатских палаток. Слева дымила топками кухня. Справа солдаты, готовясь к разводу, стекались в прямоугольники взводных колонн. А в самом центре на обнесенном тремя рядами «колючки» гектаре кипела стройка: еще не законченный фундамент поднимался из земли неровным многоугольником сложной формы, а наметки будущих стен тянулись вверх с немислимым уклоном. Сколько ни смотрел Стрельников на этот необычный объект, как ни пытался по его очертаниям догадаться о назначении еще не возведенного здания – ничего на ум не приходило.

— Товарищ майор! – раздался звонкий по-юношески ломкий голос и перед Стрельниковым возник срочник: поля форменной панамы с боков загнуты вверх, как у ковбойской шляпы; рукава светло-желтого кителя в белесых разводах пота не по уставу закатаны до локтей; вместо положенных кирзачей старые кроссовки, на которых бантик шнурков тщательно упрятан под истрепанный язык. – Сержант Ибрагимов прибыл по вашему приказанию.

— Вольно, - вяло кивнул Стрельников. День только начинался, а он уже чувствовал себя разбитым, словно совершил суточный марш-бросок по раскаленной пустыне. Тяжело вздохнув, майор достал из кармана мятый вскрытый конверт. – Держи. Вчера со спецпочтой пришло.

Смутное лицо сержанта дрогнуло легкой улыбкой. Он взял письмо обеими руками, будто боялся, что ветер вырвет его из пальцев, и, забыв о командире, стал доставать из конверта мелко исписанный тетрадный листок в клеточку.

— Отставить, Равшан. - Мягко скомандовал Стрельников, обращаясь к подчиненному по имени. – После прочтешь. Сейчас дело. Километрах в двадцати речушка есть. Здесь на ней вся ирригация завязана. А выше по течению повстанцы, когда отступали, дамбу насыпали. Теперь у этих посева гибнут, а для них это – сам понимаешь... Дамба-то, конечно, пустяк. Они бы ее давно разобрали, да мин боятся. В общем, сейчас на КПП вас чинарь из местных ждет с машиной. Возьми пару ребят из взвода и... Задача ясна?

— Так точно. Разрешите выполнять?

Ибрагимов вытянулся в струнку, развернулся на каблуках, отчеканил строевым шагом несколько метров, после чего резко сорвался в бег, на ходу доставая из кармана письмо. С завистью глядя ему вслед, Стрельников обреченно вздохнул и побрел в палатку. За фляжкой.

* * *

Он остановился у края пашни. Под ногами на дне небольшого арыка весело журчала вода, по сине-зеленой глади меж солнечных бликов скользили жуки-водомеры. Справа и слева, обозначая границы соседских наделов, тянулись цепи фруктовых деревьев, и над их кронами в белом цвете весны лилась многоголосая щебечущая песня. Он положил ладонь на землю, тихо сказал: «Салам», и пашня ответила гудением плодородного недр. Поле узнало его, словно сотней рук потянулось к нему рядами влажных борозд, приветливо зашептало листвой молодых побегов, и он улыбнулся, в мыслях здороваясь с каждым из них.

Порыв горячего ветра ударил в лицо колкой дробью песчинок. Равшан открыл глаза. Перед ним расстиралось пустое добела обожженное поле, над которым клубились пыльные тучи. Багровым шаром в зените пустого неба висело солнце. Земля дышала зноем, и незнакомый поселок из двух десятков глинобитных домов с плоскими крышами плавился в мареве раскаленного воздуха. По краю поля почти прямой ровной линией тянулось сухое русло. Его берега разделяло не больше двадцати шагов. Вдоль крутых обрывов узкой полоской стоял частокол из хилых камышинок. Дно устилали длинные пряди ила, в темно-зеленой гуще которых белели скелеты рыб. На редких островках темно-красную глину в пучках чахлой желтой травы изрезали страшные шрамы огромных трещин.

Метрах в сорока от того места, где стоял Ибрагимов, поперек русла зловещей машиной чернела свежая насыпь. Ее края с обеих сторон на десяток метров выходили за берега, высокий гребень неровным зазубренным лезвием подпирал небо, а у подножия толпились люди. Худые и черные, как истлевшие лучины, согбенные, в залатанных одеждах, настолько выцветших и полинялых, что не угадать прежний цвет, они в полном молчании с надеждой смотрели на иноземных саперов.

— Хо'sh, nima yaxshi¹. – вздохнул Ибрагимов и в два прыжка поднялся по небольшому крутому склону к дороге.

Наезженный проселок узкой оранжевой лентой петлял вдоль реки, то приближаясь к берегу, проползая по самому краю обрыва, то отдаляясь от русла в объезд пригорка или оврага. У дамбы прямо посреди дороги стоял старый пикап с обшарпанным боком и рваной пробойной от осколка на водительской двери. Из его открытого кузова торчали три удлиненные штанги миноискателей, рядом виднелись ранцы с аккумуляторами. А чуть поодаль от машины, в оранжевом тумане поднятой пыли металась три фигуры. Ефрейтор Самойлов замысловатым движением ног перекатывал по земле пучок рыжей травы с большим сухим комком на корнях. Перед ним, пытаясь достать необычный мяч, странный танец исполнял рядовой Быковец. За его спиной шагах в десяти рядовой Радченко между двух рюкзаков с сухим пайком замер в полуприседе с широко разведенными руками.

— Нападающий пытается пройти по левому флагу, но защитники начеку! – комментировал Радченко, перемещаясь от одной штанги к другой. – До конца матча остаются считанные минуты. Удастся ли...

В этот момент Самойлов носком сапога ловко подкинул пучок травы и на лету с замахом пнул его в направлении ворот. Мелкие камушки высохшей глины шрапнелью разлетелись в разные стороны, а сам мяч, вильнув по немыслимой траектории, проскочил над ногой вратаря, который замер в смешной раскоряченной позе. Радченко с сокрушенным стоном схватился за голову и сел в дорожную пыль. Быковец с коротким «Вот ведь...» в отчаянии всплеснул руками, а Самойлов с неистовым криком «Го-о-о-л!!!», закружился в победном танце.

¹ Хо'sh, nima yaxshi – ну, что ж (узбек.)

- Видал, как я их? – С неподдельной гордостью обратился он к Ибрагимову.

- Балбесы. – Ответил тот с добродушной улыбкой. – Вы солдаты или где? Все, кончай дурью маяться. Строиться. Значит так. Хохол остается здесь. Следишь за обстановкой. Смотри в оба. Остальные – цепью с дистанцией три метра. При обнаружении все по стандартной схеме. Все, давайте.

Ибрагимов подошел к пикапу, достал из кузова ранец и привычным движением забросил его за спину. Надел наушники камуфляжной расцветки, специальной шпилькой закрепил на ремне провода и, положив на плечо штангу миноискателя, зашагал к крутому косогору дамбы.

Через несколько часов он спустился с нее и, пройдя мимо восьми противопехотных мин с кусками грязи на корпусе, остановился у арыка. Между трещин сухого дна и сплетений мертвых корней уже ползли первые мутные струи. Поначалу редкие и несмелые, они на глазах набирали силу и сливались в единый журчащий поток, который подхватывал мусор, старые листья, травинки и легко уносил все это вдоль по канаве. Равшан улыбнулся. Радостно и устало. Мокрой от пота панамой вытер лицо и, нагнувшись, чтобы умыться, ненадолго исчез из прицела снайпера. Но уже через мгновение снова в нем появился.

Рапорт

В прошедшие сутки вверенный мне 145 отдельный саперный батальон вел работы по разминированию окрестностей города Туггурт. Работы проводились по утвержденному плану. В связи с потерями личный состав батальона нуждается в пополнении.

Майор Стрельников отложил написанный рапорт и, чтобы сквозняк не унес его, сверху поставил часы. От короткой встряски секундная стрелка вроде бы двинулась, но через пару делений остановилась как раз в том месте, где надпись «Слава защитникам Отечества» пересекалась с гравировкой «Отличнику боевой и политической подготовки». Стрельников нахмурился, нервно дернул щекой и отвернулся. На столе перед майором лежало письмо. То самое, что утром он передал Ибрагимову. Тетрадный листок, неровно сложенный вчетверо, по надорванной стороне был красным и синие рукописные строчки расплылись продолговатым пятном. Письмо было на узбекском и Стрельников удивлялся тому, как те же самые буквы, которыми он писал рапорты и донесения, сплетались в незнакомые слова, непонятные предложения. Майор считался полиглотом – он владел английским и немецким, со словарем читал на французском и даже знал несколько стандартных фраз по-испански. Он мог переводить документы противника и вести переговоры с союзником – все было под силу майору Стрельникову, но прочитать письмо от матери своего солдата отличник боевой и политической не мог.

Стрельников аккуратно вложил письмо в конверт и опустил его в небольшой металлический ящик с личными вещами Ибрагимова. Захлопнув крышку с красным

инвентарным номером, майор достал из выдвижного ящика уже почти пустую фляжку и поспешил на улицу – оставаться в палатке он больше не мог.

На улице стоял полный штиль, на завтра не предвещавший ничего хорошего, и красное полотнище безвольно висело на верхушке ржавого флагштока. Лагерь казался вымершим. Даже на стройплощадке, прежде всегда суетливо-шумной, теперь царило спокойствие: утром от геологов пришло заключение о непригодности грунта, работы тут же свернули, элитный стройотряд собрал оборудование и отбыл в неизвестном направлении. Неоконченный фундамент, недостроенные стены, а вокруг кучи дробленого камня, битого кирпича, искривленных, покалеченных гвоздей, до которых теперь никому не было дела. Вот и все, что осталось от грандиозного замысла невиданной ранее стройки.

Быстро темнело. Уже не виднелись ряды солдатских палаток, исчез, словно провалился в чужую землю, незаконченный объект, растворились в темноте, будто не было их, ряды колючей проволоки. Все пожирал наступавший с востока сумрак. Лишь освобожденная погибшим сержантом река, в холодном мраке ночи сверкая серебряной нитью, несла на сухие поля долгожданную жизнь.